

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ ЖАНРОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

TATJANA IČKOVIČ

Ural State University Boris Jel'cin
Ekaterinburg, Lenina ave. 51, Russia
tatiana.itckovich@urfu.ru

UDK: 2-23*
811.16
DOI: 10.15291/csi.4611
Izvorni znanstveni članak
Primljen: 15. 7. 2024.
Prihvaćen za tisak: 11. 11. 2024.

Религиозный функциональный стиль является актуальным объектом современных лингвистических исследований. В российской лингвистике активно изучаются различные жанры религиозного стиля (проповедь, исповедь, молитва, акафист), предпринимаются попытки систематизации жанров на разных основаниях. Одна из актуальных проблем – вопрос понимания текстов адресатами в поле современной религиозной православной коммуникации. Цель настоящего исследования – описать коммуникативную ситуацию в религиозной сфере, учитывая субъектов коммуникации. Материалом исследования являются тексты современных православных проповедей, молитв, акафистов. Теоретико-методологическим основанием исследования являются коммуникативно-прагматический и категориально-текстовый подходы, позволяющие выявить жанрообразующие черты анализируемых текстов, функционирующих на русском и церковнославянском языках. В статье отмечены следующие аспекты, влияющие на понимание сакральных текстов в современной православной коммуникации. Во-первых, особая роль церковнославянского языка, на котором функционируют богослужбные тексты: проблема перевода текстов на народные языки решается в миссионерских целях для привлечения иноязычной аудитории, но не для русскоязычных прихожан; изуче-

Ключевые слова:
акафист, молитва, понимание, проповедь, религиозный функциональный стиль

ние церковнославянского языка в религиозно-ориентированной среде поставлено на высоком уровне, но не везде является систематическим. Во-вторых, происходит развитие субжанров традиционной экзегетической проповеди (собственно экзегетическая проповедь, экзегетическая проповедь-лекция и экзегетическая проповедь-урок) в зависимости от типа аудитории: субжанры рассчитаны на воцерковленную аудиторию с различным уровнем богословской подготовки (хорошо подготовленную, средне и мало подготовленную), знанием древних языков (древнегреческого, церковнославянского), с высоким уровнем мотивации изучения Св. Писания. Проповеди произносятся на русском языке в различных коммуникативных ситуациях: во время богослужения, на светских мероприятиях (концертах, стадионах); с использованием технических средств, в Интернете, на радио и телевидении, и ориентированы на разные типы адресата, основным критерием является уровень воцерковления. В-третьих, важным аспектом в понимании сакральных текстов является усвоение адресатом догматически правильного мировоззрения. Тексты акафистов и личных молитв, массово создающиеся в современной православной среде, зачастую отличаются трансляцией народной аксиологии, догматически неверно трактующей канонические установления церкви.

1. ВВЕДЕНИЕ.

На рубеже XX–XXI вв. в России религия, в силу изменения общественно-политической ситуации, возвращается на свойственное ей ранее место и начинает активно влиять на жизнь общества (Крысин 1996, Крылова 2008). Традиционная парадигма функциональных стилей дополняется религиозным стилем, который начинает активно изучаться лингвистами. Сегодня в российской лингвистике описаны некоторые жанры религиозного стиля (Прохватилова 1999, Бугаева 2005, Ицкович 2015), предприняты попытки их систематизации (Ицкович 2021), изучается лексика православия (Скляревская 2020). Религиозная жизнь в России продолжает активно развиваться, что приводит к созданию новых текстов разных жанров (проповедей, молитв, акафистов, житий). Особое место в спектре проблем, которые осознаются церковным сообществом, занимает вопрос понимания сакральных текстов, используемых в богослужбной практике.

2. РОЛЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Вопрос о понимании сакральных текстов в рамках российского православия можно рассматривать в нескольких аспектах.

Первый из них – роль церковнославянского языка, выступающего в функции богослужбного фактически на протяжении всего существования христианства в России, с 988 года. И если сразу после принятия христианства церковнославянский язык был близок всем славянам, в том числе русским, то со временем он становится т. н. церковнославянским русского извода. Церковнославянский язык выступал и выступает до сих пор в роли сакрального языка богослужения, русский же язык берет на себя все остальные функции. Успенский называет эту ситуацию диглоссией (Успенский 1994). Сегодня же наблюдается некоторая осторожная тенденция перехода к двуязычию, когда русский язык начинает конкурировать с церковнославянским в области сакрального: создаются переводы богослужбных текстов на русский язык, в некоторых приходах службы ведутся на русском языке. Отметим, что двуязычие, по Успенскому, — это ситуация нестабильности, когда один язык рано или поздно уступает другому, что мы и видим в европейских странах, где богослужение повсеместно осуществляется на народных языках.

Перевод богослужения на народные языки обусловлен прежде всего прин-

ципом понятности богослужебных текстов. Парадоксальным для российского православия является тот факт, что в России, стране многонациональной, православные службы других народов, помимо русского, ведутся на народных языках, а не на церковнославянском. И только в пространстве русского сегмента богослужения ведутся по-прежнему на церковнославянском языке. Отметим также, что, несмотря на повсеместное слабое знание прихожанами церковнославянского языка, наблюдается сопротивление введению служб на русском языке. Опросы показывают, что большинство постоянных прихожан – воцерковленных людей – предпочитают службы на церковнославянском языке как более правильным, традиционным, сакральным. Эта позиция поддерживается и священноначалием.

Остановимся на сказанном более подробно.

2.1. ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Взаимодействие русского и церковнославянского языков наиболее ярко проявляется в рамках религиозного функционального стиля, который характеризуется двуязычием, в отличие от других стилей русского литературного языка. О. А. Крылова отмечает: „Сфера церковно-религиозной общественной деятельности оказывается сферой двуязычия: в одних языковых ситуациях используется церковнославянский язык, а в других – церковно-религиозный стиль русского языка” (Крылова 2008: 184). В. А. Салимовский уточняет: „В русской православной церкви богослужение осуществляется главным образом на церковнославянском языке, однако используется и русский язык – в жанрах проповеди, исповеди, свободной молитвы и некоторых других” (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 412).

Сакральный и обыденный языки, в разное время по-разному деля сферы и функции, уживаются в религиозной коммуникации (Унбегаун 1971, Успенский 1994). В православии в качестве сакрального, богослужебного языка традиционно используется церковнославянский, в исламе – арабский, в иудаизме – иврит (Мечковская 1998). Наряду с сакральными языками в каждой из традиционных религий активно функционирует второй, народный язык. Сакральный язык изначально выполняет богослужебную функцию, на нем написаны священные тексты, читаются молитвы в церкви. Народный язык выполняет миссионерскую функцию, на нем произносятся проповеди; он используется в ситуации неофициального религиозного общения: на нем строятся личные молитвы верующих.

Российская специфика состоит в том, что русский язык сегодня стал средством религиозной коммуникации не только в православии, но и в других религиях. Он используется в исламе, иудаизме, буддизме, о чем свидетельствует Интернет. Например, „Исламский портал” – уникальный ресурс, где каждый правоверный мусульманин может прочесть исламские проповеди уважаемых имамов на русском и татарском языках (<http://www.islam-portal.ru/imam/85/>).

В Русской православной церкви для богослужения принято использовать не только церковнославянский язык, но и другие языки, что обусловлено, прежде всего, миссионерскими целями. Так, в Поместных церквях и епархиях РПЦ в качестве богослужебного используются абхазский, английский, белорусский, бурятский, испанский, итальянский, китайский, немецкий, польский, португальский, русский, румынский, тувинский, удмуртский, украинский, эстонский, якутский языки, а также язык жестов (<http://www.patriarchia.ru>). Отметим парадоксальную ситуацию, когда для русскоязычной аудитории в качестве богослужебного массово используется церковнославянский язык. Приходы, где служба ведется на русском языке, малочисленны.

Таким образом, приметой современной ситуации в российской религиозной коммуникации является разноязычие, причем русский язык используется как средство неформального общения в небогослужебной ситуации в Русской православной церкви, а также в иных традиционных конфессиях; частично выполняет функцию богослужебного языка, а также выступает средством межконфессионального общения.

2.2. О симбиозе русского и церковнославянского языков в пространстве современного православия

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли церковнославянского языка в пространстве православного мира и его соотношении с русским языком. В лингвистике соотношение русского и церковнославянского языков осмысливается как актуальная проблема: „Главной и единственно серьезной проблемой русского литературного языка, в его прошлом и настоящем, является соотношение в нем русской и церковнославянской стихий” (Унбегаун в: Верецагин 2005: 359).

Исторически первоначальной формой религиозного общественного сознания на Руси было язычество, которое функционировало на древнерусском языке, существовавшем в устной форме (Нидерле 1956, Рыбаков 1987). Этапным событием стало принятие христианства в 988 году и появление на Руси церков-

нославянского языка в его письменной форме, призванного обслуживать новую для славян религиозную сферу общественного сознания. Отметим, что перевод священных богослужебных книг на славянский язык был осуществлен Константином и Мефодием с миссионерской целью и понимался ими при этом как перевод на народный язык, родственный большинству славян. В дискуссии о триязычии, отраженной в житии братьев (<http://www.pravoslavie.ru/put/30522.htm>), был принципиально решен вопрос о незыблемости списка сакральных языков: св. Кирилл и Мефодий добились разрешения молиться на славянском языке. Признание факта существования священных текстов на других языках, помимо древнееврейского, латинского и древнегреческого, привело к дальнейшему активному распространению христианства, а затем в Новое время к переходу на богослужение на народных языках в тех государствах, где в религиозной сфере традиционно использовался латинский и древнегреческий языки (Кончаревич 2011).

Со времени крещения богослужебным языком на Руси становится церковнославянский, параллельное существование язычества по-прежнему обслуживается русским языком. „С принятием христианства в качестве государственной религии при князе Владимире церковнославянский язык получает статус языка официального культа, противопоставляясь русскому языку прежде всего как язык сакральный языку профанному” (Успенский 1994: 9).

Положение, когда сакральная сфера обслуживалась двумя языками, закрепленными каждый за своей религией, усугублялось терпимостью православной церкви, которая „часто пыталась приспособить древние верования к церковным обрядам, в результате чего они сохранились в большей степени” (Нидерле 1956: 297). Затем христианство принимает массовый характер, и за сакральной сферой преобладающим образом закрепляется церковнославянский язык, при этом „сама дихотомия, сама оппозиция церковнославянского и русского оставалась и на каждом этапе отчетливо осознавалась (и осознается сегодня – *Т.И.*) коллективным языковым сознанием” (Успенский 1994: 3).

В процессе взаимодействия церковнославянского с русским языком, за которым закрепилась профанная сфера, сформировался русский литературный язык. Диглоссия трансформировалась в двуязычие, „т. е. сосуществование двух равноправных и эквивалентных по своей функции языков, которое представляет собой явление избыточное (поскольку функции одного языка дублируются функциями другого) и, по существу своему, переходное (поскольку в нормальном случае следует ожидать вытеснения одного языка другим или слияния их в тех или иных формах)” (Успенский 1994: 6). Будучи более нестабильной

формой взаимодействия двух языков, двуязычие предполагает борьбу языков за сферы влияния: „русский язык постепенно оттесняет церковнославянский на периферию языкового сознания, узурпируя права и функции литературного языка и оставляя за церковнославянским, в конечном счете, лишь функции языка культового” (Успенский 1994: 112–113).

Рассматривая периоды, характеризующие взаимоотношения церковнославянского и русского языков, Н. И. Толстой отмечает: „Пятый период, охватывающий XIX и XX вв., отличается полным отделением церковнославянского языка от светского и ограничением его функций как чисто церковного, сакрального языка. Тем не менее, и в этих довольно узких рамках его развитие продолжалось и продолжается по сей день, т. к. появляются новые тексты в связи с канонизацией святых и другими потребностями” (Толстой 2002: 84).

Отметим, что сегодня происходит процесс активного внедрения русского языка в сферу религиозного сознания, оттеснения церковнославянского языка уже в изначально присущую ему религиозную сферу. Церковнославянский язык под влиянием народных языков трансформируется в „новоцерковнославянский”: „В настоящее время существуют три типа литургического ‘новоцерковнославянского’ языка (по терминологии В. М. Мареша): православный русский тип (у русских, сербов, болгар и македонцев), хорватский глаголический тип (у хорватов-католиков), чешский тип (с 1972 г. у чехов-католиков). Число церквей-приходов с богослужением на новоцерковнославянском языке хорватского и чешского типов незначительно” (Толстой 2002: 84).

Наблюдается тенденция уменьшения сферы влияния церковнославянского языка, русский язык все более активно проникает в сферу сакрального: новые богослужебные тексты пишутся не только на „новоцерковнославянском”, но и на русском языке, церковнославянские тексты активно переводятся на русский язык – осуществляется процесс, ранее считавшийся абсолютно невозможным (Успенский 1994: 7). Русская православная церковь, стремясь сохранить исторические корни и соблюсти традицию, продолжает настаивать на использовании церковнославянского языка в богослужении, разрешая произносить на русском языке только проповедь.

Сегодня можно говорить о симбиозе двух языков в религиозной сфере общественного сознания: „каждый язык строит свою стилистическую систему по-своему. Мы же ее во много жждем на русско-церковнославянском симбиозе. Скажем ‘по-славянски’: на *сосуществовании*” (Толстой 2002: 86).

Понимание текстов Священного Писания как клиром, так и мирянами оставляет желать лучшего. Церковь, настаивая на церковнославянском языке бого-

служения, предпринимает определенные шаги, направленные на обеспечение понимания священных текстов, осмысленное участие в богослужении. Так, в детских воскресных школах при каждой церкви изучается церковнославянский язык, разработаны учебные пособия, учителя воскресных школ проходят методическое обучение (Архипова 2004, *Церковнославянский язык* 2011). Тем не менее, эти усилия недостаточны, так как по целому ряду объективных причин добиться регулярных и достаточных для усвоения церковнославянского языка занятий практически невозможно: учащиеся не обязаны посещать воскресную школу каждое воскресенье, часть занятий уходит на подготовку к многочисленным церковным праздникам. Во взрослых воскресных школах церковнославянский язык обычно не преподается, зато проходят занятия, посвященные толкованию Священного Писания, которые обычно проводят миряне с богословским образованием. На таких занятиях изучаются тексты как Ветхого, так и Нового Заветов, сравниваются переводы с разных языков, что, несомненно, помогает прихожанам лучше понять смысл сакральных текстов (см. более подробно Ицкович 2014).

3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

3.1. ЖАНР ПРОПОВЕДИ И ЕГО СУБЖАНРЫ

Еще один способ увеличить понимание во время богослужения – это введение проповедей на русском языке в различные части службы. Так, существует самый распространенный вариант – это произнесение проповеди, разъясняющей прочитанное Евангелие, сразу после его прочтения. Другой вариант предполагает произнесение проповеди сразу после окончания службы, в ней обычно не только разъясняется Евангельский отрывок, но и рассказывается о святых или праздниках, которым посвящена служба. Методически правильным признается вариант, когда проповедь произносится священнослужителем несколько раз: в начале службы, непосредственно перед богослужением, когда священник рассказывает, что ожидает сегодня на службе, чему она будет посвящена, затем после чтения Евангелия, в середине службы, когда разъясняется смысл прочитанного отрывка, и в конце службы, перед целованием Креста, когда ретроспективно поясняется, чему была посвящена служба, и дается поучительное назидаание прихожанам.

В православной церкви с целью разъяснения Священного Писания функцио-

нирует экзегетическая проповедь, которая прошла определенную эволюцию и существует в нескольких вариантах. Традиционная экзегетическая проповедь посвящена разъяснению трудных для понимания, неоднозначных мест Св. Писания. Аудиторией такой проповеди являются люди с высоким уровнем богословских знаний, которые могут понять аргументы проповедника, вступить с ним в дискуссию. Такая проповедь перерастает в беседу, где слушатели не только задают вопросы, но и приводят свои аргументы. Такой вид проповеди можно соотнести с жанром научного доклада на конференции, то есть академическим подстилем научного стиля, когда адресат и адресант равны по уровню знаний. Отметим, что такой жанр, назовем его *собственно экзегетическая проповедь*, существует в современной православной коммуникации, в основном в теологических учебных заведениях, в социальных сетях, в группах, где участники, владеющие древними языками, знаниями богословских дисциплин, вступают в дискуссию по сложным вопросам.

Другим видом экзегетической проповеди является жанр, близкий жанру научной лекции в академическом подстиле, назовем его *экзегетическая проповедь-лекция*. Адресант такой проповеди – богословски образованный человек, адресат – аудитория, заинтересованная в получении знаний, т. н. воцерковленные прихожане, имеющие опыт посещения службы, занятий взрослой воскресной школы. После такой проповеди могут следовать уточняющие вопросы аудитории, направленные на усвоение материала, дискуссия не предполагается, так как уровень знаний проповедника и аудитории различен. Такого рода экзегетические проповеди могут читаться образованными мирянами во время занятий в воскресной школе, священнослужителями в процессе службы. Последний вариант достаточно редок, так как такая проповедь требует большого количества времени.

Третий вид экзегетической проповеди рассчитан на малообразованную аудиторию, мотивированную на изучение богословских вопросов. В такой проповеди с минимальным использованием терминов, цитат из авторитетных источников, материалов древних языков дается канонически правильное, однозначное толкование фрагментов Св. Писания, фактов, церковных праздников и др. Такой вид экзегетической проповеди близок жанру урока в учебном подстиле научного стиля речи, назовем его *экзегетическая проповедь-урок*. Думается, что такой субжанр экзегетической проповеди сближается по используемым приемам с миссионерской проповедью.

Подводя предварительный итог, отметим, что указанные три субжанра экзегетической проповеди (*собственно экзегетическая проповедь*, *экзегетическая*

проповедь-лекция и экзегетическая проповедь-урок) рассчитаны на воцерковленную аудиторию с различным уровнем богословской подготовки (хорошо подготовленную, средне и мало подготовленную), знанием древних языков (древнегреческого, церковнославянского), но при этом с высоким уровнем мотивации изучения Св. Писания.

3.2. ЖАНР АКАФИСТА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

Говоря о понимании в православной коммуникации, отметим аспект, связанный не со знанием языков, но с усвоением канонически правильного мировоззрения, понимания догматически верных основ вероисповедания. Так, приведем примеры, связанные с функционированием жанра акафиста в православной коммуникации. Акафист – это жанр молитвы, цель которого – прославление, восхваление Бога, Богородицы, святых, праздников (Ицкович 2021). Жанр акафиста чрезвычайно популярен в православной среде, особенно среди мирян, так как его разрешено читать в т. н. келейной (домашней) молитве. Акафист может входить в богослужение, но зачастую служится отдельно, а иногда является единственным церковным богослужением в течение дня. Акафист в церкви разрешено читать мирянам. Еще одна из причин популярности жанра акафиста среди воцерковленных прихожан – его радостная тональность: т. н. хайретизмы (композиционно важная часть акафиста) переведены на русский язык глаголом *радуйся* (Рядовых 2019). Для русскоязычного молящегося процесс десемантизации не произошел, в отличие от носителя греческого языка, где *хайре* – ‘радуйся’ – это приветствие, отсюда положительная эмоциональная окрашенность текстов акафиста в сознании православных прихожан. В русской православной среде существует активно действующая традиция сочинять акафисты как особенно любимым уже прославленным святым (существует по несколько текстов акафистов св. Матроне Московской, царю Николаю и др.), так и людям, еще не прославленным в лике святых официальной церковью (например, певцу Игорю Талькову „Акафист святому мученику Игорю (Талькову), русскому сладкопевцу”; поэту Сергею Есенину „Акафист мученику Сергею Рязанскому”, Иосифу Сталину, Ивану Грозному). Существуют тексты акафистов, которые имеют официальное одобрение Русской православной церкви (Великий Акафист; „Акафист Иисусу Сладчайшему”; „Акафист иконе Пресвятой Богородицы ‘Владимирская’”; „Акафист святому великомученику Георгию Победоносцу”; „Акафист святой праведной Матроне Московской” и др.). С лингвистической точки зрения, выделяются две группы акафистов: канонические, т. е. офици-

ально одобренные Церковью; неканонические, официально не одобренные, но массово признанные в православной среде.

Прокомментируем феномен существования текстов акафистов непрославленным святым, а также вариантов текстов акафистов одному святому. В РПЦ существует специальная комиссия, которая утверждает текст акафиста как канонический и, следовательно, единственно правильный для совершения богослужения. Утвержденные акафисты публикуются на официальном сайте РПЦ. Другие варианты отвергаются, прежде всего, как нарушающие догматы церкви. То есть авторы текстов акафистов, жестко соблюдая композицию жанра, лексическое оформление, нарушают содержательный аспект, канонические требования к канонизации. Такого рода отвергнутые официальной церковью акафисты – свидетельство т. н. народного православия, отражающие аксиологическую реальность, в отличие от аксиологического идеала, зафиксированного в утвержденных текстах. Фактически авторы акафистов, остающиеся безымянными, в лучшей церковной традиции, нарушают содержательный план церковных догматов, прославляя личность за качества характера и поступки, не одобряемые официальной церковью. Таким образом, мы видим в среде народного неофициального православия нарушение процесса понимания сущностных основ православия.

В то же время жанр акафиста представляет интерес с точки зрения отражения адаптации современного русского литературного языка к сфере сакрального, за которой в христианстве преобладающим образом закрепляется церковнославянский язык (Ицкович 2015: 23). Идея перевода сакральных текстов на русский язык возникает в XIX веке и соотносится с деятельностью Российского Библейского общества. Один из наиболее активных представителей общества – святитель московский Филарет (Дроздов) говорит о том, что „каждый имеет не только право, но и обязанность, по возможности, читать Священное Писание на вразумительном для него языке и поучаться из онаго” (Филарет 1872: 20). По мнению святителя, церковнославянский текст во многом не понятен верующему читателю, а потому исправить ситуацию может только полный перевод текста, „сообразно с настоящим состоянием русского наречия” (цит. по: Корсунский 1883: 441). Современными исследователями отмечается важность целей, которые ставил перед собой свт. Филарет, занимаясь переводом Священного Писания на русский язык. Наряду с решением церковной задачи раскрытия верующим смысла Слова Божия осуществлялся значительный вклад в общественную жизнь путем приобщения народа к возвышенному литературному русскому языку (Юревич 2016: 12). Аналогичные цели ставят перед собой ав-

торы русских переводов акафистных текстов. Высказывается предположение, что данные тексты, выражаясь словами свт. Филарета, способны „оказывать благодеяние русскому языку”, который в настоящее время „теряет чистоту и правильность” (цит. по: Корсунский 1883: 25). Практика перевода „может спешествовать установлению языка и удержанию его от падения, каково действие перевода Священного Писания и у других народов замечено” (там же: 26). Именно свт. Филарет первым переводит на „высокий” русский литературный язык текст акафиста (Великий Акафист), тем самым создавая прецедент подобной деятельности.

Акафист является примером понятных прихожанам текстов, что обусловлено ролью русского языка. Отмечается, что „органичной составляющей современного русского языка” является „массив православной лексики” (Скляревская 2020: 177), являющейся базовой для текстов акафистов. Кроме того, в акафисте реализуется тенденция сближения русского и церковнославянского языков, которая проявляется в русификации церковнославянского правописания, наличии русизмов и русифицированной грамматической структуры, что с богослужебных позиций соответствует особому распоряжению Священного Синода, позволяющему „принципиально не переводить текст в русло церковнославянского языка и сохранять ‘легкий налет’ русского языка” (Плякин 2019: 68). На русский язык также переводятся существующие церковнославянские тексты (например, „Акафист святителю Николаю Мирликийскому”); отдельные акафисты изначально пишутся на русском языке („Акафист Святому Духу”, „Благодарственный акафист ‘Слава Богу за все’” и др.).

3.3. *СОВРЕМЕННЫЕ ЛИЧНЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ МОЛИТВЫ*

Отдельная проблема в современной православной коммуникации, связанная с пониманием догматических установлений Церкви, касается личных молитв. Молитва – один из репрезентативных жанров религиозного стиля, отражающий конфессиональные ценностные установки. Канонические молитвы, зафиксированные в богослужебной литературе и утвержденные иерархами церкви, транслируют аксиологический идеал, в то время как личные молитвы, творимые человеком самостоятельно, являются отражением аксиологической реальности. Обратимся к анализу ценностных установок, представленных в личных молитвах. Материалом исследования послужили письменные личные молитвы святой Матроне Московской (742 текста), оставляемые верующими в Покровском ставропигиальном женском монастыре – Москва (*Блаженная Матрона* 2011).

Тематически просьбы в молитвах отражают ценности, принятые в христианстве. Так, в религиозной коммуникации выделяются следующие виды просьб: суперморальные (отношения между человеком и Богом), моральные (отношения между людьми), утилитарные (отношение человека к самому себе), субутилитарные (отношение человека к необходимым биологическим условиям выживания – пище, воде, отсутствию холода, зноя) (Карасик 1999: 7–9). Общественные молитвы, произносимые в церкви во время богослужения, универсальны: в них испрашивается то, что необходимо всем молящимся. Личные же молитвы носят более частный, зачастую утилитарный и субутилитарный характер. Так, записки святой Матроне касаются здоровья, работы, отношений в семье, обыденных нужд человека: *Матушка Матрона! Молю, помоги наладить мир в семье, научи меня уму-разуму, помоги помириться с мужем и сохранить семью. Аминь. Наталия (Блаженная Матрона 2011: 282). Помоги нам найти средства на ремонт и обустройство квартиры* (там же: 283).

Просьбы наполнены конкретными деталями – именами, указаниями на денежные суммы, топонимами: *Матушка, мне очень хочется автомашину хорошую. Прошу, помоги в 2010 году* (Блаженная Матрона 2011: 270); *Прошу, помолись Господу нашему о высоком балле за экзамен по физике для сына моего Вадима* (там же: 269); *Матушка Матронушка, очень тебя прошу, помоги моему внуку Ивану сдать все экзамены в институте и получить стипендию, а то у меня больше нет сил ему помочь* (там же: 254).

Просьбы духовного характера менее частотны. Для них характерна лаконичность, отсутствие конкретных деталей, использование абстрактных понятий, выраженных отглагольными существительными: *Матронушка, спасибо тебе большое за то, что не оставляешь меня. Дай сил и ума, доброты и терпения, чтобы задуманное сбылось. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Елена (Блаженная Матрона 2011: 282). Святая блаженная матушка Матронушка! Слезно прошу тебя, помолись Господу Богу нашему о заблудшем р. Б. Евгении, чтобы Господь не лишил его своего милосердия и даровал ему одоление пагубных страстей. Слава богу за все! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Зоя* (там же: 284).

Анализ показывает, что письменные личные молитвы святому отражают аксиологическую реальность, демонстрируют преобладание обыденных, прагматических ценностей, важных для земной жизни человека: семья, дети, друзья, близкие, здоровье, благосостояние, успех. Среди личных молитв наиболее частотна просительная интенция, при этом просьбы о покаянии, характерные для канонически утвержденных молитв, практически отсутствуют, хвала и благо-

дарность, которые считаются высшими формами молитвы, встречаются в единичных случаях.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, процессы понимания церковных догматов, содержащихся в текстах Священного Писания, в русскоязычной православной среде существенно затруднены, прежде всего, по причине той роли, которую играет в православной коммуникации церковнославянский язык. Внимание к форме богослужения, а не к его содержанию обуславливает эффект непонимания основных догматов. Русская православная церковь предпринимает конкретные шаги, направленные на возрастание понимания священных текстов: изучение церковнославянского языка, введение проповедей на русском языке, отклоняя идею массового перевода богослужения на русский язык. Все эти факторы приводят к тому, что аксиологический идеал и аксиологическая реальность не просто не тождественны, но зачастую противоречат друг другу (как это происходит в жанрах акафиста или личной молитвы).

ЛИТЕРАТУРА

- АРХИПОВА, Г. И. 2004. *Церковнославянский язык: Учебное пособие для 5-го класса*. Москва: Православная педагогика. [ARHIPOVA, G. I. 2004. *Cerkvnoslavjanskij jazyk. Učebnoe posobie dlja 5-go klassa*. Moskva: Pravoslavnaja pedagogika.]
- Блаженная Матрона Московская: Святая помощница и утешительница. 2011. Москва: Эксмо. [*Blažennaja Matrona Moskovskaja: Svjataja pomošnica i utešitel'nica*. 2011. Moskva: Eksmo.]
- БУГАЕВА, И. В. 2005. „Стилистические особенности и жанры религиозной сферы”. *Стилистика текста*. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. [BUGAEVA, I. V. 2005. „Stilističeskie osobennosti i žanry religioznoj sfery”. *Stilistika teksta*. N. Novgorod: NGLU im. N. A. Dobroljubova.]
- ВЕРЕЩАГИН, Е. М., В. Г. КОСТОМАРОВ. 2005. *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы*. Москва: Индрик. [VEREŠČAGIN, E. M., V. G. KOSTOMAROV. 2005. *Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedčeskie koncepcii: leksičeskogo fona, rečepovedenčeskikh taktik i sapientemy*. Moskva: Indrik.]
- ДРОЗДОВ, Филарет. 2003. *Творения*. Москва: Ново-Спасский монастырь. [DROZDOV, Filaret. 2003. *Tvorenija*. Moskva: Novo-Spasskij monastyr'.]
- ИЦКОВИЧ, Т. В. 2014. „Церковнославянский язык в воскресной школе”. *Педагогическое образование в России*. 2: 133–137. [ISKOVIČ, T. V. 2014. „Cerkvnoslavjanskij jazyk v voskresnoj škole”. *Pedagogičeskoe obrazovanie v Rossii*. 2: 133–137.]
- ИЦКОВИЧ, Т. В. 2015. *Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди*. Екатеринбург: Издательский Дом Ажур. [ISKOVIČ, T. V. 2015. *Kategorial'no-tekstovaja specifika sovremennoj pravoslavnoj propovedi*. Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom Ažur.]
- ИЦКОВИЧ, Т. В. 2021. *Жанровая система религиозного стиля*. Москва: Флинта. [ISKOVIČ, T. V. 2021. *Žanrovaja sistema religioznogo stilja*. Moskva: Fčinta.]
- КАРАСИК, В. И. 1999. „Религиозный дискурс”. *Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики*. Волгоград: 5–19. [KARASIK, V. I. 1999. „Religioznyj diskurs”. *Jazykovaja ličnost': problemy kul'turologii i funkcional'noj semantiki*. Volgograd: 5–19.]
- КОНЧАРЕВИЧ, К. 2011. „Социолингвистическая карта сакральных языков РАЗ ORTHODOXIA: диахронический и синхронический аспекты”. *Дни Адама Мицкевича в Крыму: Крымско-польский сб. науч. работ*. Симферополь: Универсум 9: 189–195. [KONČAREVIČ, K. 2011. „Sociolingvističeskaja karta sakral'nyh

- jazykov *PAX ORTHODOXIA*: diahroničeskij i sinhroničeskij aspekty”. *Dni Adama Mickeviča v Krymu: krymsko-poljskij sb. nauč. rabot.* Simferopol’: Universum 9: 189–195.]
- КОРСУНСКИЙ, И. Н. 1883. *О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык.* Москва: Типография Л. Ф. Снегирева. [KORSUNSKIJ, I. N. 1883. *O podvigah Filareta, mitropolita Moskovskogo, v dele perevoda Biblii na russkij jazyk.* Moskva: Tipografija L. F. Snegirjova.]
- КРЫЛОВА, О. А. 2008. *Лингвистическая стилистика: в 2 кн. Кн. 1. Теория.* Москва: Высшая школа. [KRYLOVA, O. A. 2008. *Lingvističeskaja stilistika: v 2 kn. Kn. 1. Teorija.* Moskva: Vysšaja škola.]
- КРЫСИН, Л. П. 1996. „Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка”. *Поэтика. Стилистика. Язык и культура.* Москва. [KRY SIN, L. P. 1996. „Religiozno-propovedničeskij stil’ i ego mesto v funkcional’no-stilističeskoy paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka”. *Poetika. Stilistika. Jazyk i kul’tura.* Moskva.]
- МЕЧКОВСКАЯ, Н. Б. 1998. *Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов.* Москва: Агентство ФАИР. [MEČKOVSKAJA, N. B. 1998. *Jazyk i religija: posobie dlja studentov gumanitarnyh vuzov.* Moskva: Agentstvo FAIR.]
- НИДЕРЛЕ, Л. 1956. *Славянские древности.* Москва: Издательство иностранной литературы. [NIDERLE, L. 1956. *Slavjanskije drevnosti.* Moskva: Izdatel’stvo inostrannoj literatury.]
- ПЛЯКИН, М. 2019. „Гимны Богу, соединяющие века. Об акафистном творчестве как популярном жанре современной гимнографии”. *Журнал Московской Патриархии* 7: 62–69. [PLJAKIN, M. 2019. „Gimny Bogu, soedinjajuščie veka. Ob akafistnom tvorčestve kak populjarnom žanre sovremennoj gimnografii”. *Žurnal Moskovskoj Patriarhii* 7: 62–69.]
- ПРОХВАТИЛОВА, О. А. 1999. *Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи.* Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. [PROHVA TILOVA, O. A. 1999. *Pravoslavnaja propoved’ i molitva kak fenomen sovremennoj zvučaščej reči.* Volgograd: Izdatel’stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.]
- РЫБАКОВ, Б. А. 1987. *Язычество древней Руси.* Москва: Наука. [RYBAKOV, B. A. 1987. *Jazyčestvo drevnej Rusi.* Moskva: Nauka.]
- РЯДОВЫХ, Н. А. 2019. „Категория тональности в жанре акафиста”. *Современные исследования социальных проблем* 3–4: 230–241. [RJADOVYH, N. A. 2019. „Kategorija tonal’nosti v žanre akafista”. *Sovremennye issledovanija social’nyh*

- problem 3–4: 230–241.]*
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. 2020. „Метафора в образном строе ‘Псалтири’ (по синодальному переводу)”. *Stylistyka* 29: 165–177. [SKLJAREVSKAJA, G. N. 2020. „Metafora v obraznom stroe ‘Psaltiri’ (po sinodal’nomu perevodu)”. *Stylistyka* 29: 165–177.]
- ТОЛСТОЙ, Н. И. 2002. „Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз”. *Вопросы языкознания* 1: 81–91. [TOLSTOJ, N. I. 2002. „Cerkvoslavjanskij i russkij: ih sootnošenie i simbioz”. *Voprosy jazykoznanija* 1: 81–91.]
- УНБЕГАУН, Б. 1971. „Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения”. *Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова*. Ленинград. [UNBEGAUN, B. 1971. „Russkij literaturnyj jazyk: problemy i zadači ego izučenija”. *Poetika i stilistika russoj literatury. Pamjati akad. V. V. Vinogradova*. Leningrad.]
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. 1994. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва: Гнозис. [USPENSKIJ, B. A. 1994. *Kratkij očerk istorii russkogo literaturnogo jazyka (XI–XIX vv.)*. Moskva: Gnozis.]
- Церковнославянский язык. 2011. Программа для церковно-приходской школы. Екатеринбург. [*Cerkvoslavjanskij jazyk*. 2011. Programma dlja cerkovno-prihodskoj školy. Ekaterinburg.]
- ЮРЕВИЧ, Димитрий. 2016. „Вклад святителя Филарета (Дроздова) в дело перевода Библии на русский язык”. *Христианское чтение* 2: 11–22. [JUREVIČ, Dimitrij. 2016. „Vklad svjatitelja Filareta (Drozdova) v delo perevoda Biblii na russkij jazyk”. *Hristianskoe čtenie* 2: 11–22.]

RELIGIOUS FUNCTIONAL STYLE: PROBLEMS OF UNDERSTANDING TEXTS OF DIFFERENT GENRES IN MODERN ORTHODOX COMMUNICATION

TATJANA ICKOVIĆ

ABSTRACT

Religious functional style is an actual object of modern linguistic research. In Russian linguistics, various genres (sermon, confession, prayer, akathist) are actively studied, and attempts are made to systematize genres on different bases. One of the topical problems is the issue of understanding texts by addressees in the field of modern religious Orthodox communication. The purpose of this study is to describe the communicative situation in the religious sphere from the standpoint of the category of clarity of speech, taking into account the subjects of communication. The material of the study comprises the texts of modern Orthodox sermons, prayers, akathists. The theoretical and methodological basis of the study are the communicative-pragmatic and categorical-textual approaches, which allow us to identify genre-forming features of the analysed texts functioning in Russian and Church Slavonic languages. The article points out the following aspects influencing the understanding of sacred texts in modern Orthodox communication. First, the special role of the Church Slavonic language in which liturgical texts were written: the problem of translating texts into vernacular languages is solved for missionary purposes to attract foreign-speaking audiences, but not for Russian-speaking parishioners; the study of the Church Slavonic language in a religiously oriented environment is at a high level but is not systematic everywhere. Second, the subgenres of traditional exegetical preaching (exegetical sermon proper, exegetical sermon-lecture, and exegetical sermon-lesson) are developing depending on the type of audience: the subgenres are designed for an ecclesiastical audience with different levels of theological training (well-prepared, moderately or poorly prepared), knowledge of ancient languages (Ancient Greek, Church Slavonic), and a high level of motivation to study the Holy Scriptures. Sermons are delivered in Russian in various communicative situations, that is, during divine service, at secular events (concerts, stadiums), using technical means, on the internet, on radio and television, and are

KEYWORDS:

Akathist, prayer, sermon, religious functional style, understanding

designed for different types of addressees, the main criterion being the level of churchgoing. Third, an important aspect in understanding sacred texts is the recipient's assimilation of a dogmatically correct worldview. The texts of akathists and personal prayers, which are mass-produced in the modern Orthodox environment, are often characterized by the translation of folk axiology, which dogmatically misinterprets the canonical provisions of the Church.